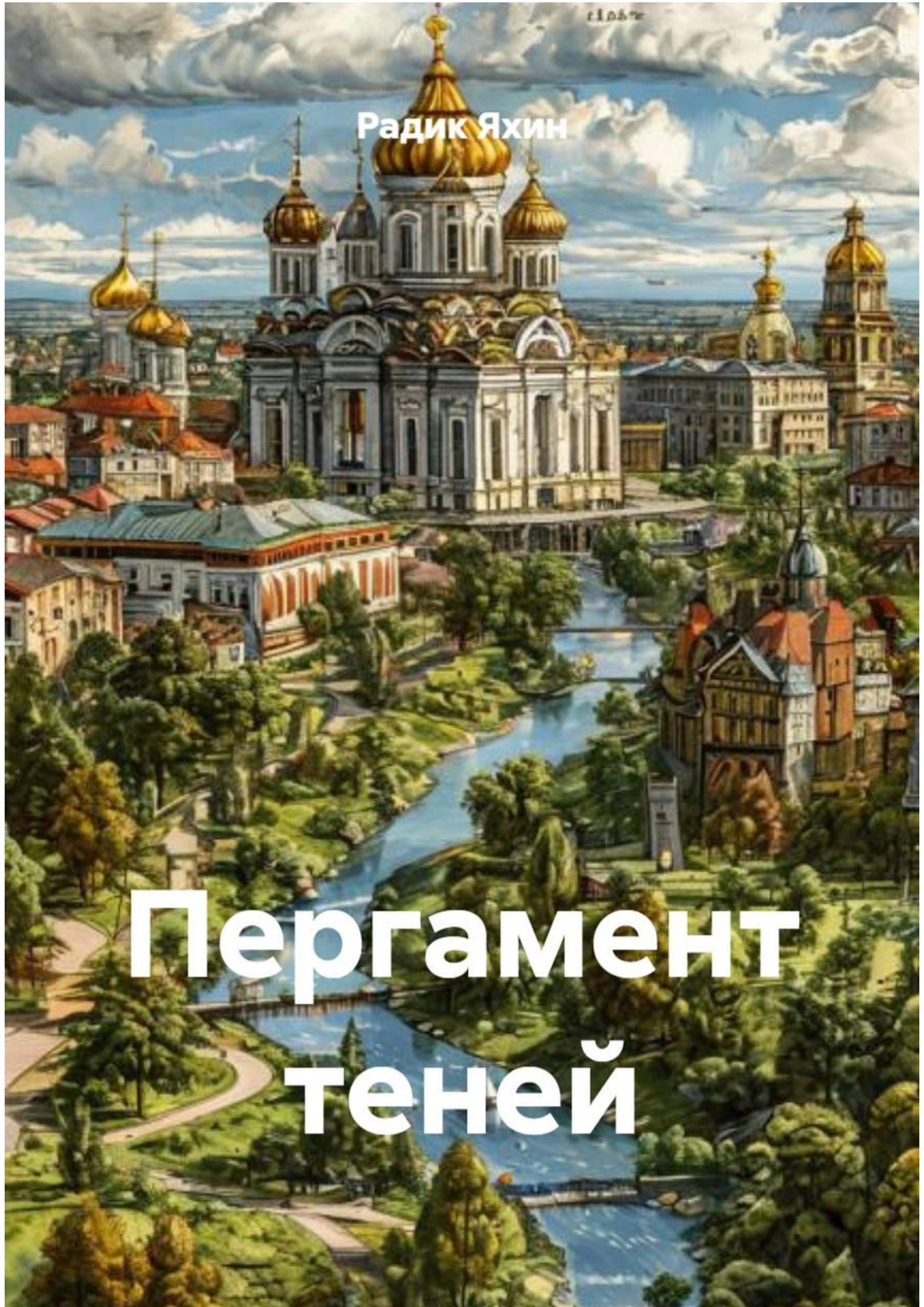

11067

Радик Яхин

Пергамент тений

Радик Яхин
Пергамент теней

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Пергамент теней / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

В эпоху великих преобразований, когда Россия устремляется к новым берегам, а на болотах Невы зарождается будущая столица, в тихой картографической светлице разворачивается таинственная драма. Марфа — искусная картограф, обладающая редким даром: касаясь пергамента, она видит не просто очертания земель, а отголоски минувших событий — тени прошлого, застывшие в линиях рек и изгибах улиц. Её карты — не просто чертежи, а живые хроники, хранящие память веков. Но всё меняется, когда в её руки попадает особый пергамент — творение таинственного алхимика. Вместо привычного погружения в прошлое перед Марфой раскрывается панорама будущего: величественный Петербург, которого ещё нет на свете. Однако вместе с видениями грядущего великолепия приходят и мрачные предзнаменования — пожар, наводнение и зловещая тень, ползущая с севера. Теперь ей предстоит разгадать тайну своего изменившегося дара, понять, что скрывает загадочный пергамент, и решить: стоит ли предупредить мир о грядущей угрозе....

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Пергамент теней

Теплый ветер, пахнувший дегтем, речной сыростью и пряностями с Гостиного двора, врывался в распахнутое окно картографической светлицы. Марфа склонилась над широким дубовым столом, ее тонкая кисть с соболиным волосом замерла в миллиметре от поверхности пергамента. На нем уже лежали изгибы Москвы-реки, очертания Кремля, лабиринты Китай-города. Но она видела больше. Всегда видела больше. Когда пальцы касались старой бумаги или выделанной кожи, когда взгляд скользил по начерченным линиям, из глубин сознания всплывали образы: не то, что есть, а то, что было. Шум давно отгремевших сражений у стен Белого города, шепот заговоров в боярских палатах, тени давно истлевших деревьев на месте нынешних улиц. Она научилась этому видению, как учатся читать, – медленно, с трудом, со страхом. Страх не прошел. Он лишь притаился, как зверь в клетке, у самого сердца. Сегодня ей предстояло завершить особый заказ – детальную карту окрестностей новой столицы, Санкт-Петербурга, для одного из светлейших князей, круживших у трона. Пергамент для этой работы прислали особый, небывалой тонкости, почти прозрачный, молочного оттенка. Говорили, его изготовил в своей тайной лаборатории алхимик-немец, состоявший на службе у князя. Марфа разгладила лист ладонью. И мир перевернулся.

Не было привычного погружения в слои прошлого. Вместо этого светлица дрогнула и поплыла. Краски со стола взметнулись в воздух вихрем. Она зажмурилась, но видение было не снаружи, а внутри. Перед ее мысленным взором пронеслась, будто гонимая ураганом, будущая панорама Петербурга. Не стройка, не болота с частоколами, а величественный гранитный город, которого еще не существовало. Разводные мосты над темной водой, острые шпили, увенчанные кораблями, бесконечные фасады вдоль прямых, как стрела, проспектов. И тут же, наложившись на это великолепие, другие картины: пожар, охвативший целый квартал, наводнение, смывающее дома в ледяную пучину, и... тень. Огромная, бесформенная тень, ползущая по городу с севера, из-за края карты. От нее исходила тишина, густая и мертвая. Марфа вскрикнула и отдернула руку, как от огня. Кисть упала, оставив на полуботине кляксу алой краски, похожую на свежую кровь. Она дышала прерывисто, упираясь ладонями в край стола. Дар изменился. Пророс в будущее. И принес с собой нечто ужасное.

Князь Алексей Волынский, чей герб – вздыбленный единорог – был оттиснут на кожаном футляре для пергамента, слушал ее с каменным лицом. Они сидели в его кабинете, уставленном диковинными европейскими приборами и заставленными книгами на непонятных языках. Воздух пахло старым пергаментом, ладаном и холодным честолюбием. Марфа, опустив глаза, рассказывала не все. Только то, что можно было выдать за интуицию искусного картографа, за внимательное изучение грунтов и течений. О тени не сказала ни слова. «Нестабильные грунты на Васильевском острове, милостивый князь, – голос ее звучал чужим, – здесь в половодье может быть опаснейший размыв. А здесь, на месте, которое, по слухам, предназначено для Адмиралтейства... ветра с залива такие, что любой пожар станет пожаром всего города». Волынский медленно потянул перстнем с темным сапфиром по рукояти кинжала, лежавшего на столе. «Любопытно, – произнес он наконец. – Очень любопытно. Твои наблюдения... совпадают с некоторыми моими собственными опасениями. И противоречат планам других». Он пристально посмотрел на нее. Взгляд был тяжелым, испытующим, словно он взвешивал не только ее слова, но и саму ее душу. «Я пришлю тебе новые материалы. Карты шведские, старинные, еще до Ниеншанца. И кое-что из архивов Разрядного приказа. Ты изучишь их и сделаешь для меня... особую карту. Карту возможностей». Марфа почувствовала ледяной

укол в груди. «Каких возможностей, ваша светлость?» Волинский усмехнулся беззвучно. «Возможностей для России. И для тех, кто способен эти возможности увидеть. Царь Петр Алексеевич тяжело болен. Дерево, под которым мы все росли, скоро может пасть. А когда падает большое дерево, летит много щеп. Хорошо бы знать, в какую сторону». Когда Марфа вышла на залитый солнцем кривой московский переулочек, ее била мелкая дрожь. Она поняла. Ее дар, ее проклятие, уже стало монетой в игре за престол. И отказаться было нельзя. Отказавшихся от игры князь Волинский, как шептались в городе, отправлял в гораздо более далекие путешествия, чем от Москвы до Петербурга.

Работа поглотила ее с головой. Дни и ночи слились в один бесконечный поток видений. Шведские карты шептали ей о ярости давних сражений, о следах лагеря Карла XII, который, как оказалось, стоял на месте, где Петр заложил Летний сад. Архивные свитки из Разряда источали холод заговоров и казней стрелецких времен. А пергамент алхимика... он был как окно. Окно в завтра. Она научилась не просто видеть, но и направлять взгляд. Задавать безмолвные вопросы. «Что будет здесь, если престол займет царевич Алексей?» И карта отвечала: Петербург замирал в запустении, зарастал бурьяном, корабли на Неве гнили у недостроенных причалов, а тень на севере росла и сгущалась, принимая очертания гигантского медведя с пустыми глазницами. «А если императором станет Екатерина?» Карта вспыхивала огнями празднеств, но эти огни быстро оборачивались пожарами бунтов, а тень отползала, но не исчезала, а замирала на востоке, приняв форму дракона со сложенными крыльями. Каждый такой сеанс выжигал ее изнутри. По утрам она находила на подушке выпавшие пряди волос. В зеркале смотрело на нее осунувшееся лицо с огромными, горящими лихорадочным блеском глазами. И была цена иная, осязаемая. В день, когда она нанесла на карту возможную линию дворцового переворота в пользу малолетнего Петра Петровича, в ее слободе обрушился ветхий амбар, задавив насмерть двух крестьянских детей. Случайность. Но Марфа знала. Это не случайность. Реальность сопротивлялась проколам в ткани будущего. И платила кровью. Она зашла в свою светлицу и упала на колени перед походным складным алтарем с древней иконой Спаса Нерукотворного. «Господи, что я делаю? Останови меня. Отними этот дар», – шептала она, но в ответ слышала лишь тиканье стенных часов, привезенных князем из Англии, и собственный прерывистый стук сердца. Дара это не отнимало.

Карта возможностей была закончена. Она представляла собой не один лист, а целый атлас из двенадцати пергаментов, каждый из которых иллюстрировал возможное будущее при том или ином раскладе сил после кончины Петра. Волинский изучал их в полной тишине, лишь изредка задавая уточняющие вопросы тихим, как шипение змеи, голосом. Его интересовали не только политические итоги, но и конкретные места: пересечения дорог, броды через реки, планы усадеб союзников и противников. Марфа понимала – он выискивал точки приложения силы. Места, где можно подкупить, устроить, убить. Ее дар превращался в инструмент убийства. «Прекрасная работа, – наконец произнес князь, сворачивая последний лист. – Ты – алмаз неограниченный, Марфа. Такой инструмент в руках черни – безделушка. В руках царя – оружие. Россия стоит на распутье. Одни тянут ее назад, в дебри и смуту. Другие... другие, как я, видят ее империей от моря до моря. Твои глаза могут указать верный путь. Помочь избежать кровавых ошибок». Он встал и подошел к окну. «Завтра я уезжаю в Петербург. Ты поедешь со мной. Там для тебя будет работа. Много работы». Это был приказ. Не было даже вопроса в его интонации. В ту ночь Марфа не спала. Она завернула в холстину самое дорогое – маленькую иконку, данную матерью, и ларчик с кистями и красками. А под тюфяком лежала копия одной из карт. Той, где тень с севера была всего лишь легкой дымкой. На той карте у власти стоял неясный, расплывчатый силуэт, не похожий ни на одного из известных претендентов. И Санкт-Петербург на ней был городом света, но света холодного, стерильного, без смеха и печали.

Самый страшный из всех вариантов. Она спрятала и эту копию. Инстинкт самосохранения, заглушаемый долгие недели, наконец заговорил. Нужен был свой, тайный козырь.

Петербург встретил их пронизывающим ветром с Финского залива и запахом сырых бревен, известки и болота. Город был кошмаром, рождающимся наяву. Тысячи людей, похожих на теней, копошились среди грязи, возводя призрак будущего величия. Марфу поселили в небольшом флигеле на территории усадьбы Волынского, недалеко от Адмиралтейского луга. Работа началась немедленно. Теперь ее задачей было картографирование не земли, а дворцовых интриг. Князь приносил списки имен, планы залов, маршруты выездов царедворцев. Она касалась бумаг, вглядывалась в линии, и перед ней разворачивались короткие, отрывистые сцены: разговор в будущей Тайной канцелярии, тайная встреча в саду, отравление за ужином. Она фиксировала вероятности, отмечала точки, где историю можно было повернуть легким толчком. Каждая такая отметка на специальной шелковой карте-схеме, висевшей в кабинете Волынского, вскоре оборачивалась реальным действием. Один фаворит впадал в немилость из-за вовремя «найденной» компрометирующей переписки. Другой получал повышение после «предсказанного» удачного выполнения поручения. Князь рос в силе и влиянии с пугающей скоростью. А Марфа чахла. По ночам ей снились те, на чьи судьбы она влияла. Их лица, искаженные страхом, гневом, отчаянием. Она просыпалась с ощущением липкой, неотмываемой грязи на руках. Реальность платила за каждое вмешательство. После того как она указала Волынскому на слабое место в охране одного из конкурентов, в городе случился пожар в богадельне, унесший два десятка стариков. Случайность. Всегда случайность. Но цепь случайностей становилась слишком очевидной. Ее личная цена тоже росла. Однажды, работая над картой будущего присяги новой гвардии, она увидела собственную фигуру, стоящую рядом с Волынским на балконе Зимнего дворца. А затем – вспышку. И падение в темноту. Видение длилось миг, но его смысл был ясен. Ее присутствие рядом с князем становилось опасным не только для других, но и для нее самой. Исход был предрешен: либо гибель, либо полное поглощение игрой, в которой она была уже не наблюдателем, а разменной пешкой. В тот день она взяла свою тайную карту, ту, с холодным светом и неясным правителем. И спросила безмолвно: «Как избежать этого? Как уничтожить эту тень?» Карта молчала. Лишь легкая рябь прошла по поверхности пергамента, словно от упавшей слезы.

Великая зима 1725 года сковала Петербург в ледяной саван. Нева встала, и по льду тянулись бесконечные обозы с припасами. А в императорском дворце на Неве угасал Петр Великий. Весь город, затаив дыхание, ждал последнего вздоха, который станет первым вздохом новой эпохи. В кабинете Волынского царил лихорадочный азарт. Марфа, почти не спавшая несколько суток, наносила на главную карту последние штрихи – возможные сценарии момента перехода власти. Ее пальцы онемели, в глазах стояла пелена усталости, а за переносицей пульсировала невыносимая боль. «Все решат часы, – склонился над столом Волынский, его лицо в свете масляных ламп казалось высеченным из желтого мрамора. – Кто успеет первым привести к присяге гвардию. Меншиков уже кружит у постели, как гриф. Но у нас есть преимущество – мы знаем, где он оступится». Он ткнул пальцем в точку на карте – переход через замерзшую Неву у Литейного двора. «Здесь лед будет тоньше. Достаточно небольшого происшествия, чтобы задержать его свиту». Марфа посмотрела на указанное место. И увидела. Не вероятности, а четкую картину: проваливающийся под лед возок, крики, суета, и... маленькую детскую руку, бьющуюся из-под темной воды. Чью-то дочь. Ни в чем не повинное дитя, которое должно было стать платой за задержку светлейшего князя Меншикова. «Нет, – вырвалось у нее, голос хриплый, чуждый. – Не здесь. Не так». Волынский медленно поднял на нее глаза. В них не было ни удивления, ни гнева. Лишь холодное любопытство. «Ты что-то видишь? Конкретное?» Марфа молчала, сжимая кулаки, чтобы не выдать дрожь. «Говори,

девка. Сейчас не время для женских сантиментов. На кону – будущее империи». «Там... будет жертва. Невинная», – с трудом выдавила она. Волынский усмехнулся. «Жертвы бывают всегда. Одна жизнь, положенная на алтарь государства, спасает тысячи. Или ты разучилась видеть общую картину?» В этот момент в ее голове что-то перемолело, переломилось. Общая картина. Да, она видела ее. Цепь интриг, предательств, смертей, которую они плели. И в конце этой цепи – не величие России, а тот самый холодный, бездушный город с ее тайной карты, где тень не исчезла, а лишь преобразовалась, растворилась в самом воздухе, в камне, в законах. И правителем там был не человек, а сама эта бесчеловечная система, маховик которой они закручивали сейчас. «Нет, – сказала она уже тверже. – Это неправильный путь. Он ведет в туман. В пустоту». Князь выпрямился. Его лицо окаменело полностью. «Ты устала, Марфа. Сильно устала. Страх и усталость губят дар. Иди отдохни. Я распоряжусь насчет льда у Литейного двора сам». Это был приговор. Он перестал ей доверять. Ее полезность кончилась. Как кончалась жизнь императора. И, скорее всего, ее собственная. Она поклонилась, как автомат, и вышла. В своем флигеле она не стала отдыхать. Дрожащими руками она разожгла камин, достала все свои рабочие карты, все копии, все заметки. И бросила в огонь. Жар опалил лицо. Пергамент корчился, чернел, вспыхивал синим пламенем алхимических составов. Она сожгла все, кроме одной – той самой, с холодным светом. Затем надела темный плащ, взял заранее собранный узелок и выскользнула в ночь. Город был пустынен, лишь патрули гвардейцев мерно стучали сапогами по мерзлой земле. Она шла не к выходу из города – там ее бы сразу схватили. Она шла к единственному месту, которое, как подсказывал остаток дара, было слепым пятном в наблюдение сети Волынского – к старому шведскому кладбищу на окраине, где среди покосившихся крестов и занесенных снегом могил еще сохранилась полуразрушенная лютеранская кирха. Там, в подвале, она надеялась переждать первые, самые страшные часы после смерти Петра. Снег хрустел под ногами, холод пробирался сквозь одежду, но внутри у нее горело. Она сделала выбор. Не между претендентами на престол. А между тем, чтобы быть орудием в чужих руках, и тем, чтобы попытаться, ценой всего, найти свой собственный путь. Путь, который, возможно, уже был начертан на уцелевшей карте. Но чтобы прочесть его, нужно было сначала спастись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.